

**Как Пушкин попал в
жернова Дерриды... Об
одном (почти) литературном
произведении Ивана Верча
(«соавтор» – А.С. Пушкин)**
How Pushkin was reworked
Derrida-style ... On a certain
(almost) literary work by Ivan Verč
(coauthored by A.S. Pushkin)

✂ **ROMAN BOBRYK** • rbobryk@wp.pl

SLAVICA TERGESTINA
European Slavic Studies Journal

ISSN 1592-0291 (print) & 2283-5482 (online)

VOLUME 23 (2019/II), pp. 44-62
DOI 10.13137/2282-5482/28124

На первый взгляд Де(кон)струкция Ивана Верча является просто шуткой на тему знаменитого Я вас любил А.С. Пушкина. Общеизвестное стихотворение было уже неоднократно предметом интертекстуальных приемов таких поэтов, как Иосиф Бродский, Дмитрий Пригов и Виктор Соснора. В отличие от них Верч сохраняет подлинный текст в почти неизменном виде, а лишь превращает пушкинский монолог любовника в диалог двух персонажей: Он и Она (автор пишет роли и добавляет ремарки), трансформируя тем самым лирический текст в драматическое действие. Одновременно шуточное произведение Верча может рассматриваться как выдержанная в духе (подсказываемого заглавием) деконструкционизма и отличающаяся от традиционных способов прочтения пушкинского текста интерпретация.

ПУШКИН АЛЕКСАНДР С.,
БРОДСКИЙ ЙОСИФ, ДЕРРИДА ЖАК,
ВЕРЧ ИВАН, ДЕКОНСТРУКЦИЯ

Де(кон)струкция [*De(con)struction*] by Ivan Verč seems to be an ordinary and yet humorous take on Pushkin's well-known Я вас любил [*I Loved You*]. This work has already been exploited using intertextual devices by such authors as Iosif Brodsky, Dmitri Prigov and Victor Sosnora. Unlike them, Verč retains Pushkin's text in an almost unaltered form. He does, however, transform it into a dialogue (by dividing it into roles and adding stage directions), thus changing a poem into a play. Verč's work can also be seen as deconstructionist interpretation, which differs from the traditional readings of Pushkin's poem.

PUSHKIN ALEXSANDR S.,
BRODSKY JOSEPH, DERRIDA JACQUES,
VERČ IVAN, DECONSTRUCTIVISM

Составляя в 2011 году сборник в честь Ежи Фарино (см.: Образ 2011), я обращался в первую очередь к его научным друзьям – в том числе и к Ивану Верчу. Иван откликнулся тогда не только замечательной статьей (Verč 2011), но еще предложил включить в юбилейную книгу и шуточный текст *Де(кон)струкция* – составленный им транс-скрипт известного стихотворения А.С. Пушкина 1829 года начинающегося словами «Я вас любил...», который он иногда разыгрывал вслух в свободное время разных конференционных встреч и который (именно в этом перформансном исполнении) восхищал ученую публику, в том числе и Ежи. Остроумие самой идеи, чувство юмора и заодно звучащее в нашей памяти эстрадное исполнение сработали безотказно – не опубликовать *Де(кон)струкцию* Верча в нашем сборнике было немыслимо. Теперь история описала положенный ей круг и взмыла на новый виток. Когда мне предложили включиться в сборник посвященный самому Ивану Верчу, меня просто осенило (польское «там romuś!», словенское «tam idejo» прозвучало в уме на словацко-чешский манер – «tám párad») обратиться именно к этому тексту. И не только потому, что его автором является Иван, но и потому, что текст и сам по себе исключительно интересный и сложный.

СТИХОТВОРЕНИЕ ПУШКИНА

Стихотворение Пушкина написано не позже чем в ноябре 1829 года и впервые напечатано в альманахе «Северные цветы на 1830 год» (с. 104 – см. Пушкин 2018). Стихотворение, по мнению некоторых исследователей, посвящено тогдашней возлюбленной поэта – Анне Алексеевне Андрю-Олениной (1808 – 1888), графине де Ланжерон (хотя такая адресация не бесспорна).¹ Вот его текст:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
 В душе моей угасла не совсем;
 Но пусть она вас больше не тревожит;
 Я не хочу печалить вас ничем.
 Я вас любил безмолвно, безнадежно,
 То робостью, то ревностью томим;
 Я вас любил так искренно, так нежно,
 Как дай вам бог любимой быть другим.
 (Пушкин 1974: 191)²*

Стихотворение является на самом деле грустным поэтическим признанием в любви. Одновременно оно является и прощанием с любимой женщиной, поскольку лирический субъект лишь подразумевает, что «любовь еще, быть может, / В душе моей угасла не совсем» (если и «угасла не совсем», то все-таки «угасла» почти целиком и остались только ее маленькие «следы»-«искорки»). Ситуация при этом довольно парадоксальна, поскольку момент признания³ в любви к (неизвестной) женщине тут совпадает с моментом конца (или «начала конца») этой любви. Тем временем можно было бы ожидать, что такой момент – наоборот – должен стать началом любовных отношений.

Для очередных размышлений нам будет интересно обратить внимание на коммуникационную ситуацию данную в мире стихотворения. Весь текст стихотворения является монологическим высказыванием мужского лирического «я» к неопределенному женскому «вы». Причем – хотя бы в силу своей тематики и жанра – можно полагать, что это «сообщение» имеет чисто личностный, интимный характер⁴.

1

См.: Цявловская 1956: 289–292.

2

Анализ стихотворения – см. например: Жолковский 1979: 1–25. См. тоже заметки по этому поводу в: Jakobson 1989: 233–237.

3

До того момента лирический субъект любил свою «собеседницу» «безмолвно».

4

Следует здесь подчеркнуть, что по Юрию М. Лотману и Анне Мальц в поэзии пушкинского времени обращение к «ты» является более условным/конвенциональным и по крайней мере поэтическим чем обращение «вы», которое является в свою очередь более реалистическим и личным (см. Мальц, Лотман 1972: 5–6; см. тоже замечания в: Лотман 1996: 211–221 (с точки зрения занимающей нас проблематики особенно интересно примечание 2 (с. 212))).

5

Цит. по: Бродский 2007: 121–122 Текст доступен например на сайте <https://rustih.ru/iosif-brodskij-ya-vas-lyubil/> (режим доступа – 28.08.2018). Анализ этого стихотворения см.: Жолковский 2005 [пользуюсь электронным вариантом – <http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib52.htm> – режим доступа 28.08.2018]. Жолковский упоминает и более раннее «попытки освоить пушкинский образец преодоления несчастной любви в отчужденно-элегическом пятистопном ямбе» в русской поэзии XX века (он упоминает имя Бунина). См. тоже замечания в: Fast 2000: 98–100; Szymak-Reiferowa 1998: 158–160.

Ясно при этом, что вся ситуация сохраняется, а то и вообще усиливается, если учесть «литературность» этого высказывания и факт, что оно является вышедшим в печати стихотворением. Тем не менее, в таком случае коммуникация совершается опосредованно – между автором (Пушкиным) и литературной публикой (читателями), а «внутренняя» коммуникационная ситуация получает статус родственной театральной постановке. Что здесь не меняется, то это сама форма высказывания – монолог.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ «НАСЛЕДНИКИ» СТИХОТВОРЕНИИ ПУШКИНА

Стоит заметить, что стихотворение Пушкина вызвало несколько поэтических откликов в творчестве русских поэтов XX века. По всей вероятности наиболее известный пример такого «отклика» это VI сонет из цикла *Двадцать сонетов к Марии Стюарт* Иосифа Бродского:

*Я вас любил. Любовь еще (возможно,
что просто боль) сверлит мои мозги.
Все разлетелось к черту на куски.
Я застрелиться пробовал, но сложно
с оружием. И далее: виски:
в который вдарить? Портिला не дрожь, но
задумчивость. Черт! Все не по-людски!
Я вас любил так сильно, безнадежно,
как дай вам Бог другими — но не даст!
Он, будучи на многое горазд,
не сотворит — по Пармениду — дважды
сей жар в крови, ширококостный хруст,*

чтоб пломбы в пасти плавилась от жажды
 коснуться — «бюст» зачеркиваю — уст!
 1974⁵

В своем анализе сонета Бродского Александр Жолковский определяет это стихотворение как «вызывающую перелицовку пушкинского «оригинала»». Уже на первый взгляд можно заметить, что текст Бродского сохраняет монологичную форму высказывания стихотворения Пушкина и пушкинскую «модель» коммуникации – мужское «я» (лирический субъект) обращается к женскому «вы». Сохраняется при этом и общий смысл речи лирического «я», который говорит своей собеседнице о своей несчастной и грустной любви к ней.

Меняется в стихотворении Бродского жанровая форма – если пушкинское стихотворение вообще рассматривать в жанровых категориях, то следует его признать (краткой) элегией,⁶ тем временем как Бродский выбирает, так сказать, «жанр» сонета.⁷ Меняется одновременно и язык высказывания – как замечает Жолковский, «Пушкинский словарь осовременивается и вульгаризуется» (там же). Интересно при этом, что как-будто вопреки всем вышеупомянутым изменениям и даже вопреки изменениям самого русского языка,⁸ стиховое «вы» остается близким «вы» пушкинского текста.

Уже сам способ чтения сонета Бродского в составлении со стихотворением Пушкина обращает внимание на некую очевидность. Дело в том, что «Я вас любил...» Бродского является (употребляя определение Женетта) «литературой во второй степени». Само собой разумеется, что сонет Бродского, повторяя (кстати анафорическую, т.е. тоже повторяемую) пушкинскую фразу «Я вас любил...», без каких-нибудь сомнений рассчитан на идентификацию своего

6
 Об элегииности пушкинского стихотворения говорится например в: Платт 2004.

7
 Причем, как замечает Жолковский, в данном случае сонет подвергается значительной деформации.

8
 На наш взгляд «вы» в русской речи советского времени следует считать прежде всего обращением типичным для партийных собраний и митингов, обращением, которое как-будто «отчуждает» адресанта, увеличивает дистанцию между говорящим и адресантом, а с некой точки зрения и дегуманизирует того, к кому обращаются.

9

Пользуюсь польским понятием «świadection odbioru» [буквально «свидетельство восприятия»] Михала Гловинского – см. Głowiński 1977 (особенно глава: Świadection i style odbioru – с. 116–137).

10

Далее почти целиком повторяется еще одна строка стихотворения Пушкина (у Пушкина – «Я вас любил безмолвно, безнадежно», у Бродского – «Я вас любил так сильно, безнадежно») и (частично) последняя.

гипотекста (по терминам типологии Женетта – ср. Genette 2014: 11). Поскольку же сонет Бродского рассчитан на опознание сходства со стихотворением Пушкина, то тем самым он как-будто и проецирует своего читателя. Оно просто адресуется такому читателю, который в состоянии эти сходства узнать. Очевидно при этом, что такая установка на идентификацию является сигналом своеобразного «диалога» гипертекста с текстом-предшественником и одновременно (поэтическим) «показателем восприятия (типа *воспринято, прочитано*)».⁹

В первую очередь бросается в глаза, что с одной стороны Бродский как-будто «дополняет» некоторые фразы пушкинского текста, с другой же – что стихотворение Бродского (в отличие от Пушкина) насыщено иронией. Можно такой прием рассматривать между прочим и как попытку обнажить конвенцию (поэтику) «предшественника». С другой же точки зрения, если учесть тот простой факт, что в содержательном плане стихотворение Бродского во многом повторяет смысл пушкинского текста, то может быть, стоит задаться и вопросом, не является ли «вариант» Бродского своеобразным переводом «Я вас любил...» на язык «современности»? Дело в том, что сам поэт хотя бы в некоей степени подсказывает и такую интерпретацию. Это отчетливо видно прежде всего в самом начале текста, когда первая строка «источника» приводится почти в ее подлинном виде. Правда, в «варианте» Бродского меняется пунктуация (у Пушкина: «Я вас любил: любовь еще»; у Бродского «Я вас любил. Любовь еще») и последние слова, но это чисто «косметические» изменения, поскольку дальше вместо пушкинского «быть может» автор *Двадцати сонетов к Марии Стюарт* ставит синонимическое «возможно» (благодаря которому сохраняется в первой строке количество слогов «подлинника»),¹⁰ далее

же «подменяет» «душу» (романтический «носитель чувств» и «приемник» окружающего мира) «мозгами» (в котором можно усматривать современный, связанный с основанным на умозаключении восприятием мира «эквивалент»¹¹ романтической «души»). Лирический субъект Бродского (время от времени иронически) досказывает (доинтерпретирует) высказывания лирического «я» стихотворения Пушкина. Можно подразумевать, что, например, слова о том, что герой пушкинского текста не хочет «печалить вас ничем» и что его любовь не должна более тревожить женщину, к которой направлено его высказывание, у Бродского приобретают форму намека о (несостоявшейся) попытке самоубийства. Ироничность этого описания и очередные такого типа «дополнения» обнаруживают конвенциональность речи пушкинского «я». Итак, стихотворение Бродского как-будто переводит пушкинский «подлинник» на язык современности и, одновременно, обнажает его приемы. Тем самым Бродский перечитывает текст Пушкина и создает его интерпретацию.

В случае других авторов касающихся пушкинского мотива «Я вас любил...» (Дмитрий Пригов, Виктор Соснора) связь с «текстом-подлинником» сводится лишь к цитированию и переосмыслению первой строки стихотворения Пушкина. Ясно, что и само воспроизведение общеизвестной пушкинской формулы требует включить смысл этого стихотворения и всякие накопившиеся за ним культурные коннотации.

ДЕ(КОН)СТРУКЦИЯ ИВАНА ВЕРЧА

Составленная Иваном Верчем *Де(кон)струкция* занимает в таком контексте место особое. В первую очередь, неоднозначен её статус

11

С другой же точки зрения «мозг» считается ее («души») противоположностью.

12

Не вдаваясь в подробности сошлемся лишь на название главы работы выдающегося американского исследователя Джонатана Каллера [Jonathan Culler] – *Что такое литература, и важно ли это*.

13

Следует здесь уточнить такое определение, поскольку существуют и «жанры», которых никто литературой не считает. Имеется ввиду, например, хотя бы разного типа учебники и справочники (особенно технические или кулинарные), о которых почти никто не скажет, что это «литература» (хотя с другой стороны литература XX века пытается «подделывать» разные нелитературные жанры). В итоге получается, что учитывая эти случаи, можно сказать, что для современного читателя литературным произведением может оказаться все, о чем он не скажет, что «это не литература».

как «произведения». Она, бесспорно, задумана как филологическая шутка, но с момента публикации даже такая «шутка» начинает жить своей жизнью. Следует при этом заметить и то, что художественная культура XX и XXI столетий (в том числе и литературоведение) относится к понятию «литературы» и «литературности» очень свободно.¹² Можно даже прийти к выводу, что литературным произведением может быть в наше время все то, о чем мы скажем, что это литературное произведение или (более узко) – то, о чем автор скажет, что это литературное произведение.

Не будем здесь затрагивать вопрос, хотел ли Иван Верч, чтобы его *Де(кон)струкцию* считали литературным произведением или нет. Наиболее безопасным и соответствующим современным тенденциям ответ был бы такой: по всей вероятности в намерения Автора никакая литературность не входила, но вполне хватило бы, если бы Автор отменил в этом отношении свое мнение – тогда эту *Де(кон)струкцию* пришлось бы признать таким (литературным) произведением. Следует здесь отметить и тот простой факт, что даже авторская точка зрения (авторская декларация) не является в этом отношении решительным фактором. Дело в том, что – особенно в современном мире – почти такой же определяющей инстанцией является не только «отправитель» текста (автор), но и его (текста) «адресат» (читатель). Другими словами – если литературным произведением следует теперь считать то, что считает (определяет) таким произведением автор, то с почти таким же основанием можно сказать, что литературным произведением можно считать то, что считает литературным произведением читатель. Тот же очень часто руководствуется в своих мнениях самим фактом выхода текста в печати (считая, что все, что напечатано, и есть литература).¹³

Приведем теперь текст *Де(кон)струкции*:

*ДЕ(КОН)СТРУКЦИЯ (Ivan Verč) я вас любил любовь ещё быть
может в душе моей угасла не совсем но пусть она вас больше
не тревожит я не хочу печалить вас ничем я вас любил безмолвно
безнадежно то робостью то ревностью томим я вас любил так
искренно так нежно как дай вам бог любимой быть другим*

А.С. ПУШКИН – И. ВЕРЧ

Я ВАС ЛЮБИЛ

или

последний разговор с любимой

(маленькая *де[кон]струкция* в одном действии)

Действующие лица:

ОН (резко, даже грубо)

ОНА (мечтательно, печально, ревниво)

Действие происходит в парке. ОНА сидит на скамейке и тихо плачет, ОН ходит рядом и нервничает. Вдруг ОН останавливается перед НЕЮ, упорно смотрит на НЕЕ и после паузы говорит:

ОН: (С удивлением, почти не веря самому себе.) Я вас любил?!

ОНА: (Почти умоляющим тоном.) Любовь...

ОН: (Нетерпеливо.) Ещё?!

ОНА: Быть может в душе?..

ОН: Моей? Угасла!

ОНА: (Закрывает ему ладонью рот) Не...

ОН: Совсем!.. (Отходит от неё на несколько шагов.) Но пусть...

(Машет рукой.)

14

Текст печатался тем же шрифтом, что и все остальные статьи в сборнике.

ОНА: (После долгой паузы. Встаёт и решительно идёт ему навстречу. Тычет пальцем за кулисы на воображаемую женщину. Ревнует.) *Она вас!..* (Указывает на свою грудь, глядя за кулисы на воображаемую женщину.) *Больше?..*

ОН: (Детально и долго рассматривает её грудь.) *Не тревожит!.. Я не хочу!*

ОНА: *Печалить?..*

ОН: *Вас?.. Ничем я вас... любил!*

ОНА: *Безмолвно?..*

ОН: *Безнадежно!*

ОНА: (Почти в отчаянии.) *То... робостью? То... ревностью?*

ОН: *Томим...* (Она плачет. Предаётся отчаянию. Он пытается её успокоить.) *Я вас любил так* (Показывает рукой: «так себе».)

ОНА: *Искренно?*

ОН: *Так...* (Тот же жест рукой.)

ОНА: *Нежно?*

ОН: *Как?! Дай вам Бог!..*

ОНА: (Опять умоляющим тоном.) *Любимой быть!..*

ОН: (Машет на прощание рукой.) *Другим!!!* (Уходит. Она ревет.)
(цит. по: Образ 2011: 635–636).

КОНСТРУКЦИЯ

Говоря о «конструкции» текста надо здесь заметить, что она частично исходит от редакции сборника, в котором *Де(кон)струкция* печаталась. А точнее: редакции принадлежит имя и фамилия Автора и шрифт (Arial / Ариаль).¹⁴ Далее же мы стремились сохранить авторские решения.

Уже при первом осмотре бросается в глаза некая композиционная двухчленность текста. Поскольку в тексте даются два заглавия (одно в самом начале, второе же немножко позже), то вторую озаглавленную часть можно было бы считать своеобразным «текстом в тексте».

По всей вероятности, однако, дело здесь строится немножко по другому. После заглавия *Де(кон)струкция* дается «первичный» пушкинский текст, но не в своем «подлинном» графическом виде, а без разбивки на стихи. Благодаря приведенному тексту «подлинника» читатель без каких-либо сомнений узнает, что далее имеется дело с «переработкой» (или неким «вариантом») первичного текста.

Главную часть *Де(кон)струкции* составляет расписанный на роли текст многократно упоминаемого здесь стихотворения Пушкина. Сам «пушкинский» текст озаглавлен следующим образом:

А.С. ПУШКИН – И. ВЕРЧ

Я ВАС ЛЮБИЛ

или

последний разговор с любимой

(маленькая *де[кон]струкция* в одном действии)

Тем самым Иван Верч признается в «соавторстве» *Де(кон)струкции*. Поэтому позволительно рассматривать его в категориях литературы.

Последующий за пушкинским заглавием подзаголовок вводит в общую тематику произведения и – одновременно – определяет коммуникационную ситуацию действия как «последний разговор с любимой». В скобках же вводятся информации связанные с «жанровой» принадлежностью всего произведения. Можно на этом

15

По поводу пародии см. например *Теоретическая поэтика...* 2001: 446–451.

основании прийти к выводу, что «де[кон]струкция» является здесь (литературным?) жанром.

Коммуникационная ситуация (условия коммуникации)

И в своем печатном, и тем более в произнесенном вслух варианте, *Де(кон)струкция* предназначена в первую очередь для точно определенного типа читателей/слушателей. Верч – русист читал свой текст русистам (славистам). Поскольку же *Я вас любил...* Пушкина является одним из наиболее известных русских стихотворений, то ясно отсюда, что *Де(кон)струкция* предназначена для профессиональных читателей и рассчитана на хорошее знание пушкинского текста. Одновременно она рассчитанна и на то, что читатели должны заметить переосмысление «первичного» текста.

Что касается переосмысления, то дело в том, что вместо выдержанного в серьезном стиле прощального монолога мужского «я» (направленного к подразумеваемому женскому «вы») получается здесь прощальный разговор между мужским «ОН», которое бросает любовницу и женским «ОНА», которое по всей вероятности не хочет принять к сведению такой информации и надеется продолжать их взаимоотношения. В конце концов можно отсюда прийти к выводу, что последнее слова «ОН» свидетельствуют о том, что он хочет от нее избавиться.

Перемена коммуникативной ситуации и переосмысление пушкинского текста, а прежде всего способ декламирования Верчем *Де(кон)струкции* и выстраивают ее пародийный характер.¹⁵

Де[кон]струкция

Определяя свой вариант пушкинского текста как *Де(кон)струкцию* Верч с одной стороны как-будто «признается» в разрушении

«подлинника», а тем самым и в разрушении его смысла, но с другой стороны тем же заглавием он почти прямо указывает на своеобразный ключ к разгадке нового принципа осмысления текста. Роль этого ключа исполняет употребляемое в функции заглавия слово «деконструкция», которое является названием одного из наиболее известных философских и художественных направлений XX века. Чтобы не погружаться в толковании всех особенностей деконструктивизма/деконструкции и связанных с этим направлением разногласий, скажем только, что в литературоведении деконструктивистская практика сводится между прочим к новому прочтению «классических» текстов. Такое новое «прочтение» получается между прочим из-за включения в интерпретацию новых, часто неожиданных контекстов или обнаруживанием в таком тексте неких скрытых и ранее незамечавшихся (даже в авторском замысле) смыслов. Само же «обнаруживание» этих смыслов возможно прежде всего путем именно разрушения наложившихся в культуре и языке стереотипов. Уже на первый взгляд можно заметить, что как раз с таким типом операций мы имеем дело в случае текста Ивана Верча. Само собой разумеется при этом, что в случае пушкинского стихотворения стереотипный характер имеет и способ его чтения (осмысление). Такой же очевидностью является и монологичность высказывания лирического субъекта. «Переработку» Ивана Верча, которая с некой точки зрения разрушает эти всем известные и (казалось бы) бесспорные очевидности следует рассматривать в категориях оторванной от литературоведческой традиции интерпретации. При чем интерпретации близкой дерридианскому постулату «нет ничего, кроме текста».

Вместо заключения доскажем еще, что данное Верчем заглавие *Де(кон)струкция* с одной стороны отсылает прямо к высказываниям

16

Следует здесь досказать, что и хайдеггеровская «деструкция» и дерридианская «деконструкция» считались своими «авторами» чем-то положительным. Хайдеггер говорит в *Бытию и времени* о своей «деструкции», что: *Destrukcja nie ma także negatywnego sensu strząśnięcia ontologicznej tradycji. Ma ona raczej wytyczyć tej ostatniej pozytywne możliwości, co zawsze oznacza - jej granice, które są faktycznie dane wraz z aktualnym stanowiskiem pytania i z zakreślonym przez to stanowisko polem możliwych badań. [...] Destrukcja nie chce jednak obracać przeszłości wniwecz; ma ona cel pozytywny, zaś jej negatywna funkcja pozostaje niejawną i pośrednią.* (Heidegger 1994: 32) Что касается Дерриды, то о положительном характере своей «деконструкции» и ее связи с «деструкцией» Хайдеггера он пишет в *Письме к японскому другу* (пользуясь польским переводом [List do japońskiego przyjaciela] в Markowski 2003: 91-92).

Дерриды, который определение «деконструкция» считал родственным хайдеггеровской «деструкции».¹⁶ Запись заглавия текста Ивана Верча, соединяя оба эти понятия, тем самым подчеркивает и их сходство (идентичность). ♡

Литература

- CULLER, JONATHAN, 1998: *Teoria literatury. Bardzo krótkie wprowadzenie*. Przełożyła Maria Bassaj. Warszawa: Prószyński i S-ka.
- FAST, PIOTR, 2000.: *Spotkania z Brodskim (dawne i nowe)*. Katowice: Wydawnictwo Śląsk.
- GENETTE, GÉRARD, 2014: *Palimpsesty. Literatura drugiego stopnia*. Przełożyli Tomasz Stróżyński i Aleksander Milecki. Gdańsk: Słowo / obraz terytoria.
- GŁOWIŃSKI, MICHAŁ, 1977: *Style odbioru. Szkice o komunikacji literackiej*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- HEIDEGGER, MARTIN, 1994: *Bycie i czas*. Przełożył, przedmową i przypisami opatrzył Bogdan Baran. Warszawa 1994: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- JAKOBSON, ROMAN, 1989: *Poezja gramatyki i gramatyka poezji*. Przełożył Zbigniew Kloch. Roman Jakobson. *W poszukiwaniu istoty języka. Wybór pism*. Tom 2. Wybór, redakcja naukowa i wstęp Maria Renata Mayenowa. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy. 222–250.
- MARKOWSKI, MICHAŁ PAWEŁ, 2003: *Efekt inskrypcji. Jacques Derrida i literatura*. Wydanie drugie rozszerzone. Kraków: Wydawnictwo Hommini.
- OKOPIEŃ-SŁAWIŃSKA, ALEKSANDRA, 2001: *Semantyka wypowiedzi poetyckiej (Preliminaria)*. Wydanie II poprawione. Kraków: Universitas.
- JADWIGA SZYMAK-REIFEROVA: *Czytając Brodskiego*. Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków 1998.

- VERČ, IVAN, 2011: Реализм как литература различия. „Образ мира в слове явленный”. Сборник в честь 70-летия Профессора Ежи Фарыно. Redakcja: Roman Bobryk, Justyna Urban, Roman Mnich. Siedlce. 201-209.
- БРОДСКИЙ, ИОСИФ, 2007: *Новые стансы к Августе. Стихи к М.Б., 1962 — 1982*. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Азбука-классика».
- ЖОЛКОВСКИЙ, А., 1979: «Я вас любил...» Пушкина: инварианты и структура. *Russian Literature* 1979. 1-25. [<http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib21.html>] (23.08.2018)].
- ЖОЛКОВСКИЙ, А., 2005: «Я вас любил...» Бродского. *Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты*. Москва: РГГУ. 195-220. [<http://www-bcf.usc.edu/~alikh/rus/ess/bib52.html>] (28.08.2018)].
- ИЛЬИН, И. П., 2019: *Деконструктивизм в литературоведении*. [<http://knowledge.su/d/dekonstruktivizm>] (21.03.2019)].
- ЛОТМАН, Ю. М., 1996: А. А. Блок. Анне Ахматовой. *О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления*. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб». 211-221.
- МАЛЫЦ, А., ЛОТМАН, Ю., 1972: Стихотворение Блока ‘Анне Ахматовой’ в переводе Деборы Вааранди. (К проблеме сопоставительного анализа). *Блоковский сборник II: Труды Второй научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока*. Тарту. 4-24.
- ОБРАЗ, 2011: „Образ мира в слове явленный”. Сборник в честь 70-летия Профессора Ежи Фарыно. Redakcja: Roman Bobryk, Justyna Urban, Roman Mnich. Siedlce.

- БРУКС ПЛАТТ, ДЖОНАТАН, 2004: Отвергнутые приглашения к каменным объятиям: Пушкин – Бродский – Жолковский. *Новое литературное обозрение* 2004/67. [<http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67/pl10.html>] (28.08.2018)]
- ПУШКИН, А. С., 2018: *Я вас любил*. [<http://www-http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-247-.htm>] (23.08.2018)].
- ПУШКИН, А. С., 1974: *Собрание сочинений. Том второй: Стихотворения 1825 – 1836 годов*. Москва: «Художественная литература».
- ТАМАРЧЕНКО, Н. Д. (СОСТ.), 2001: *Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия*. Москва.
- ЦЯВЛОВСКАЯ, Т., 1956: *Дневник А. Олесиной. Пушкин: Исследования и материалы. Том 2*. Ленинград: Издательство АН СССР. 289–292. [<http://www-http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/is2/is2-247-.htm>] (23.08.2018)].

Summary

Given that deconstructive interpretation rests on situating literary text within unexpected or ‘unnatural’ context, Ivan Verč’s humorous remake of Alexander Pushkin’s poem “I loved you” (*Я вас любил*) fully fits the criterion. Verč deconstructs the monologue structure of Pushkin’s lyrical speaker’s confession and reconstructs it in a form of a dialogue between two lovers. Hence, not only the narrative structure but also semantics of the whole Pushkin’s poem is destroyed. However, the lovers’ parting scene created by Verč as a result of this destruction recreates to certain extent the feelings of the communication act participants in Pushkin’s poem (the sender, the lyrical speaker and the receiver, the addressee of the lyrical speaker’s message). Verč’s humorous “remake” is meant for a specialized recipient, i.e. the reader familiar with Pushkin’s original. Thus, the poem is also a deconstruction of the reception (reading) of Pushkin’s poem.

Roman Bobryk

*Roman Bobryk is an Associate Professor at the Department of Polish Philology and Neophilology Faculty of Humanities, Siedlce University of Natural Sciences and Humanities. He published monographs: *Martwa natura: gatunek, motywy, kompozycje* (Siedlce 2011), *Martwa natura w poezji polskiej XX wieku* (Siedlce 2015), *Koncept poezji i poety w wierszach Zbigniewa Herberta* (Siedlce 2017) and numerous articles. He is a member of the Editorial Board of a journals „Практики и интерпретации” (Ростов на Дону), „Conversatoria Litteraria” (Siedlce – Banská Bystrica) and “Slavica Tergestina” (Trieste).*